

*Алессандро Чифариелло*

### О грамматиках русского XIX века на итальянском языке

Системные подходы к научному анализу учебников по грамматике многообразны и постоянно зависят от предмета исследования: подход к анализу описательно-теоретической грамматики родного языка совершенно не похож на подход к анализу грамматики изучения иностранного языка.

Во-первых, очень важно определить типологию анализируемой книги по грамматике иностранного языка на родном языке, содержание текста которой не является полностью чистой грамматикой, а может включать также грамматическую часть с правилами, практическую часть с упражнениями и текстами для чтения и маленький словарь иностранного языка. Во-вторых, текстуальный вид грамматик может играть также педагогическую роль в процессе изучения и усвоения иностранного языка, как и разные виды текстов, в том числе беседы, чтения, антологические сборники и т.д. В-третьих, в перспективе преподавания иностранного языка конечный вид пособия определяется особенностью педагогической функции последнего, заключающейся в обучении больше или разговорному языку для практических целей (путешествие, торговля и т.п.), или литературному языку для переводческих целей (переводы художественной литературы, технико-научной литературы и т.п.). Наконец, мы должны относиться с большим уважением к каталогизации грамматик через внимание к особым данным и параметрам, в том числе к личности автора, его роду занятий и званию (академик, преподаватель, педагог, носитель иностранного языка), названию книги, типологии книги (пособие, учебник, краткое руководство, грамматика), году издания, издательству, типологии издания (оригинальное, адаптированное, переводное), сфере использования (в школе, в институте, в университете, на частных уроках, для самостоятельного изучения), методу (индуктивный, дедуктивный, сравнительно-исторический, смешанный), адресатам, книге (однотомная, двухтомная и т.д.), числу страниц.<sup>1</sup> В

---

<sup>1</sup> См. о системных подходах к научному анализу учебников по грамматике ино-

течение XIX века отмечается пять попыток составить грамматику русского как иностранного на итальянском языке. Из них только две были удачными – две книги были изданы.

Первая грамматика (1830) принадлежит перу Джузеппе Де Чигалла (ит. Giuseppe De Cigalla / гр. Γεωργίου Δεκιγάλλας, 1812-1886), учившегося в Пизе грека итальянского происхождения, который в тридцатых годах XIX века опубликовал две работы на греческом языке: философскую грамматику итальянского языка<sup>2</sup> и методическую грамматику греческого языка.<sup>3</sup> Свидетельством интереса этого человека к русскому языку является хранящаяся в библиотеке университета Пизы рукопись 1830 г., содержащая его грамматику русского языка на итальянском языке.<sup>4</sup> Рукописная грамматика Де Чигалла представляется отдельной попыткой обобщения итальянцем русской грамматики французского исследователя Маудру (фр. Jean-Baptiste Maudru, 1740-1808?) на французском языке (книга Маудру является описательно-теоретической грамматикой с грамматико-переводческим подходом).<sup>5</sup> Грамматика Де Чигалла так никогда и не была издана. Вероятно, функция этой рукописной книги – изучение русского языка кем-то из круга общения автора.

В XIX веке французский был основным языком-посредником обучения русскому итальянских учащихся. Поэтому неслучайно Де Чигалла обратился к грамматике Маудру. Важность французского языка как ин-

---

странного языка в публикациях: *Albano Leoni F., Rosaria Pigliasco M.* La grammatica. Aspetti teorici e didattici. Roma, 1979; *Becchetti A., Cornaviera D., Panzeri Donaggio L.* La dimensione culturale nell'insegnamento di L2. Milano, 1986; *Catricalà M.* Le grammatiche scolastiche dell'italiano edite dal 1860 al 1918. Firenze, 1991; *Ciliberti A.* Manuale di glotto-didattica. Firenze, 1996; *D'Addio Colosimo W.* I materiali linguistici nella didattica delle lingue. Bologna, 1983; *Danesi M.* Manuale di tecniche per la didattica delle lingue moderne. Roma, 1988; *Nava A.* Back to the Future. La grammatica inglese pedagogica di riferimento in Italia / *San Vicente F. De Hériz A.L. Pérez Vázquez M.E.* (eds.) Perfiles para la historia y crítica de la gramática del español en Italia: siglos XIX y XX Confluencia y cruces de tradiciones gramaticográficas. Bologna, 2014. C. 331-345; *SanVicente F.* Note sullo sviluppo attuale della storiografia per le seconde lingue // *Studi Italiani di Linguistica Teorica e Applicata.* 2017. XLVI. 2. C. 183-192.

<sup>2</sup> *Δεκιγάλλας I.* Γραμματική φιλοσοφική ήτοι λελογισμένη της Ιταλικής γλώσσης. Αθήναι, 1836.

<sup>3</sup> *Δεκιγάλλας I.* Γραμματική μεθοδική της ελληνικής γλώσσης. Ερμούπολις, 1839.

<sup>4</sup> *De Cigalla G.* Grammatica Elementare della Lingua Russa. 1830. Mss. 585. Biblioteca Universitaria di Pisa (рукопись).

<sup>5</sup> *Maudru J.-B.* Éléments raisonnés de la langue russe, ou Principes généraux de la Grammaire appliqués a la langue Russe. Paris, 1802.

струмента для изучения русского языка подтверждается использованием русских грамматик на французском (например, грамматики Греча-Рейфа, – ру. Николай Иванович Греч / фр. Nicolai Gretschi, 1787-1867, и ру. Карл Филипп Рейф / нем. Carl Philipp Reiff / фр. Charles-Philippe Reiff, 1796-1876?, – или знаменитого пособия Паула Фукса – нем. Paul Fuchs, ?), начиная с эпохи после Рисорджименто в первых курсах Джакомо Линьяны (ит. Giacomo Lignana, 1827-1891) в неаполитанском университете. Через полвека после того как Де Чигалла сочинил свое рукописное пособие, было несколько попыток издать грамматики русского языка на итальянском. Одной из них является публикация грамматики ученика Линьяны Доменико Де Виво (ит. Domenico De Vivo, 1839-1897). Являясь в то время лектором итальянского языка в Дерптском университете (Тарту), в 1882 г. Де Виво успел опубликовать первую в истории русскую грамматику на итальянском (1882).<sup>6</sup> Грамматика Де Виво имела прямую педагогическую цель, т.е. книга была написана для использования студентами итальянских вузов того времени.

Другая подобная попытка (1883) – рукопись грамматики Генри Грималы-Любанского (пол. Henryk Grzymała Lubański / ит. Enrico Grimala-Lubanski, 1816-1892?). С 1883 года по 1892 год Любанский преподавал русский в римском университете. Он много лет пытался опубликовать свое руководство по русской грамматике, так и не издав его. К сожалению, рукопись 1883 г. была потеряна. Об истории неуспеха публикации мы узнали благодаря личному делу Любанского, успешно сохранившемуся в Центральном государственном архиве в Италии.<sup>7</sup> Рукопись грамматики, видимо, была использована на курсах русского в университете Рима вместе с учебником Фукса<sup>8</sup> или с новым изданием 1878 г. грамма-

<sup>6</sup> *De Vivo D.* Grammatica della lingua russa. Con speciale attenzione al movimento dell'accento. Dorpat, 1882. См. об этом в публикациях на итальянском, русском и английском: *Чифариелло А.* О первой русской грамматике на итальянском языке // Ученые записки Петрозаводского Государственного Ун-та. 2017. № 7 (168). С. 96-103; *Он же.* Domenico De Vivo: tra russistica e italianistica nella seconda metà dell'Ottocento // *Russica Romana*. 2017. XXIV. С. 47-72; *Он же.* L'insegnamento della lingua russa nell'Università italiana dal 1864 al 1892 // *Italiano LinguaDue*. 2018. 1. С. 149-167; *Он же.* Domenico De Vivo's Approaches to teaching Russian and Italian as a Second Language in the Second Half of 19th Century. 2019 (в печати).

<sup>7</sup> *Lubanski H.G.* Roma 1892, Università, Facoltà letteraria. Pos. 23, b. 150. Ministero della Pubblica Istruzione, Direzione Generale per l'Istruzione Superiore (1891-95). Archivio Centrale dello Stato (ACS) (дело Г. Любанского).

<sup>8</sup> *Fuchs P.* Nouvelle Grammaire russe, Contenant outre les principales règles de la langue russe des thèmes, des lectures et des conversations d'après une méthode à la fois théorique et pratique. Heidelberg, 1872<sup>1</sup>.

тики Рейфа под редакцией Луи Леже (фр. Louis Léger, 1843-1923).<sup>9</sup> В то время оба французских пособия были ‘бестселлерами’ в Европе, и они позволяют предположить, каков был методический подход у Любанского: он, вероятно, использовал одновременно грамматико-переводческий и фонетический подходы, чтобы поддерживать изучение русского как иностранного на высоком уровне.<sup>10</sup>

Ещё одну грамматику пытался сочинить в 1888 г. Джузеппе Лоски (ит. Giuseppe Loschi, 1858-1937), преподаватель итальянского языка и литературы в средней школе. Его неизданная грамматика русского языка сохранилась в городской библиотеке г. Удине.<sup>11</sup> Рукописная грамматика Лоски была описана уже 50 лет назад в статье А. Иванова.<sup>12</sup> Проблема на самом деле в том, что грамматика является маленькой книгой, состоящей из 17-ти рукописных страниц, представляющих “изложение своего рода опытов личного изучения” русского языка Лоски.<sup>13</sup> Лоски не опубликовал грамматику русского языка, но он все-таки успел перевести на итальянский, отредактировать и издать грамматику словенского языка Я. Скета.<sup>14</sup>

Итак, только в 1897 г. издали грамматику русского языка на итальянском<sup>15</sup> – вообще первую в Италии, и вторую в истории грамматики русского языка на итальянском, если считать первой грамматику Де Виво, изданную тогда в Российском государстве. Книга Войновича 1897 г. представляется грамматикой-учебником русского как иностранного. Но автор грамматики указывает в издании только свою фамилию и звание – профессор Войнович, а имя его до сих пор не известно. Фамилию Войнович без указания имени можно увидеть в обзоре итальянских издательств только благодаря тому, что в 1897 г. миланский издатель

<sup>9</sup> *Reiff Ch.-Ph.* Grammaire russe, avec des tableaux synoptiques pour les déclinaisons et les conjugaisons, des thèmes ou exercices gradués, le corrigé de ces exercices et l'accentuation de tous les mots russes. Paris, 1878<sup>4</sup>.

<sup>10</sup> См.: *Cifariello A.* L'insegnamento della lingua russa nell'Università italiana dal 1864 al 1892; *Он же.* Il caso Grzymała Lubański // *Studi Slavistici*. 2018. В печати.

<sup>11</sup> *Loschi G.* Piccola grammatica della lingua russa. 1888. Mss. 2633/24. Biblioteca civica di Udine (рукопись).

<sup>12</sup> *Ivanof A.* La grammatica russa e le traduzioni di Giuseppe Loschi // *Atti dell'Istituto Veneto di Scienze, lettere ed arti, Classe di Scienze morali e lettere*. 1964. CXXII, Venezia. C. 1-11.

<sup>13</sup> Там же. С. 5.

<sup>14</sup> *Sket J.* Grammatica della lingua slovena, recata in italiano sulla 3 edizione tedesca, con aggiunte del dott. G. Loschi. Udine, 1893.

<sup>15</sup> *Voinovich Prof.* Grammatica della lingua russa. Milano, 1897.

Ульрих Хёпли (нем. Ulrich Höpli / ит. Ulrico Hoerpli, 1847-1935) решил опубликовать грамматику вместе с его сокращенным итальянско-русским и русско-итальянским словарем.<sup>16</sup> К тому же, так как не хватает имени автора, замещенного только профессорским званием, то нельзя сказать, является оно указанием на принадлежность этого человека к университетской научной среде, или только наименованием его профессии – преподавателя иностранного языка. Сразу бросается в глаза, что фамилия принадлежит знатному сербскому семейству Войновићи. В это время самые знаменитые представители Войновичей из города Дубровника жили в разных хорватских провинциях Австро-Венгерской империи. Из книг узнаем, что Войнович бывал в Милане по крайней мере два раза, в 1896 году в ноябре, как указывается в предисловии к грамматике,<sup>17</sup> и в 1897 году в апреле, как написано в предисловии к словарю.<sup>18</sup>

Тогда, кто именно был проф. Войнович? Можно предположить, что единственный возможный проф. Войнович – это Константин Войнович (хорв. Konstantin Vojnović / фр. Constantin de Voinovitch, 1867-1903), родом из Дубровника. Отец знаменитого хорватского писателя Иво Войновича (хорв. Ivo Vojnović, 1857-1929), Константин работал профессором на юридическом факультете в загребском университете, ректором которого он был в 1877-78 академическом году. В биографии и библиографии, составленных другим его сыном Луйо (хорв. Lujo Vojnović / фр. Louis de Voinovitch, 1864-1951) и хранящихся в Хорватском государственном архиве в Загребе,<sup>19</sup> отсутствует какая-либо ссылка на деятельность его в качестве преподавателя русского языка или сочинителя русской грамматики. Тем не менее Константин имел родственные связи в России и Италии: Войновичи – знатное семейство из Далмации, русского и итальянского происхождения.<sup>20</sup> Кроме того, в своем рукописном дневнике 1893 г., Луйо рассказывает о своем путешествии в Россию и о пребывании, главным образом, в семейном доме Войновичей в Крыму.<sup>21</sup> Впоследствии, по крайней мере во время публикации грамматики, Луйо несомненно был в Италии. В 1896 г. в октябре Луйо находился

<sup>16</sup> *Voinovich Prof. Vocabolario compendioso della lingua russa*. Milano, 1897.

<sup>17</sup> *Он же. Grammatica della lingua russa*. С. vii.

<sup>18</sup> *Он же. Vocabolario compendioso della lingua russa*. С. xi.

<sup>19</sup> К. 25, 3.1.1.2; 3.1.1.8. F. 781: об. Vojnović. Hrvatski Državni Arhiv (HDA) (дела семьи Войновича).

<sup>20</sup> О родословном древе Войновичей, см.: *Škalić M. Obitelj Vojnović*. Zagreb, 2014. С. 9; *Bilješke o radu do sredine 20-tih godina*. К. 4. F. 781: об. Vojnović. HDA.

<sup>21</sup> К. 4, 2.1.3.1; 2.1.3.2. F. 781: об. Vojnović. HDA.

в свите княгини Елены Черногорской, приехавшей в Италию, чтобы выйти замуж за Виктора Эммануила III, будущего короля Италии.<sup>22</sup> 17 февраля 1898 г. король Умберто I наградил Луйо в Риме орденом святых Маврикия и Лазаря.<sup>23</sup> В то же время неизвестно, присутствовал ли Константин Войнович вместе со своими сыновьями на церемонии венчания княжеской пары в Риме или на церемонии награждения Луйо в этом же городе. На самом деле, в краткой биографии Константина, написанной Луйо, к сожалению, не хватает точных данных о жизни профессора в эти годы. Наоборот, несомненно, именно с 1890 г. Константин Войнович был членом философско-юридической секции в научных делах Югославской академии наук и искусств в Загребе,<sup>24</sup> где занимал должность секретаря с 1891 года по 1892 год.<sup>25</sup> В 1888 г. другой представитель заградской Академии – Перо Будмани (хорв. Pero Budmani, 1835-1914) опубликовал пособие по русскому языку для сербо-хорватских учащихся;<sup>26</sup> надо отметить, что в предисловии второго издания этого пособия<sup>27</sup> он ссылается, между прочим, на грамматику русского языка Де Виво.<sup>28</sup> Распространение сербохорватского языка и других славянских языков в Италии действительно было одной из целей заградской Академии.<sup>29</sup> Тогда, не исключено, что грамматику проф. Войновича составил сам Константин Войнович – или Будмани по поручению Войновича – по проекту заградской Академии.

Первоначально Войнович с издателем Ульрихом Хёпли планировали сочинение из трех томов по изучению русского как иностранного для итальянских учащихся. На самом деле, в предисловии к грамматике сам Войнович объявляет о намерении опубликовать, кроме грамматики и словаря, третье практико-литературное сочинение, “предназначенное для знакомства итальянцев с достоинствами и богатствами русского языка, который хочет войти в число нужных языков, имеющих <...> ве-

<sup>22</sup> Там же. К. 4, 2.1.3.2.

<sup>23</sup> Там же. К. 4, 2.1.2.3.

<sup>24</sup> HAZU. 150 godina Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti 1861.-2011. Zagreb, 2011. С. 16.

<sup>25</sup> Там же. С. 314.

<sup>26</sup> Budmani P. Praktična gramatika ruskoga jezika za samouke. Zagreb, 1888<sup>1</sup>.

<sup>27</sup> Он же. Praktična gramatika ruskoga jezika za samouke. Zagreb, 1891<sup>2</sup>. С. i.

<sup>28</sup> De Vivo D. Grammatica della lingua russa.

<sup>29</sup> Cifariello A. L'Adriatico baricentro di intersezioni linguistiche: Josip Juraj Strossmayer alle origini della slavistica italiana // Leto M.R., Lazarević P. L'Adriatico tra sogno e realtà. Alessandria, 2018 (в печати).

ликое право распространения [в мире]”.<sup>30</sup> Тем не менее третий том так и не выпустили в свет: после публикации словаря загадочный Войнович исчез из издательской среды навсегда. И так, два единственных сочинения Войновича опубликовал Хёпли. Этот издатель-книготорговец итальянского Королевского дома, начиная уже с 1885 г., планировал выпустить книги, которые условно составляли часть многотомной универсальной энциклопедии, охватывавшей все сферы человеческого знания, включая изучение иностранных языков.<sup>31</sup> Кроме того, связи между издателем и Савойскими, конечно, должны были бы способствовать публикации грамматики и словаря Войновича. К тому же, нельзя забывать о существовании тесных связей Войновичей с Еленой Черногорской. Наконец, напомним, что Елена Черногорская не только училась в Смольном институте в Санкт-Петербурге (выпуск 1891), но через двадцатилетие она станет одной из ключевых фигур института иностранных языков имени Королевы Елены. Основанный во второй половине десятых годов XX века, институт находился в дворце Римской коллегии, и его основным языком преподавания был русский. В конце курсов королева Елена даже оставляла за собой право проверять уровень русского языка студентов на экзаменах в самом дворце Квиринале.<sup>32</sup> Стало быть, Елена Черногорская потенциально могла уже иметь определенное влияние на издание грамматики Войновича издательством Королевского дома – Хёпли.

Хотя грамматика Войновича – оригинальная работа, всё же она несколько похожа на предыдущие грамматики. Кроме того, если невозможно определить сферу использования этого руководства, можно хотя бы предположить его функцию в качестве пособия для частных занятий русским языком. На самом деле, в это время итальянских студентов русскому обучал в университете в Италии только адвокат Джульяно Рыдзевский (ит. Giuliano Rydzewski, ?), который работал преподавателем славянских языков с 1894-95 академического года по 1898-99 академический год в университете Рима.<sup>33</sup> Методический подход грамматики – грамматико-переводческий, однако число посвященных грамматике страниц значительно выше, чем тех, которые посвящены переводу, текстам

<sup>30</sup> *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa*. С. vi-vii.

<sup>31</sup> *Di Masi C., Moroni G.C., Ajello A.* Emmeacca: Catalogo dei Manuali Hoepli dal 1875 al 1945. Torino, 2006.

<sup>32</sup> По истории института планируется отдельная публикация.

<sup>33</sup> *Cifariello A.* Teaching Slavic languages in Italy at a university level (from 1864 to 1918) // *Quaderni del CIRSIL*. 10, 2019. (в печати).

для чтения по различным темам и предъявляют только переводческие упражнения с русского на итальянский.

Дело в том, что начиная со второй половины XIX века в Италии большое значение при изучении русского языка уделялось его звуковому виду, “с целью достижения ‘хороших’ переводов, чтения и произношения на русском языке, а также для развития коммуникативных навыков устного характера”.<sup>34</sup> Итак, в шестидесятых годах в Неаполе в Королевском университете и в Азиатской Коллегии обучали русскому, используя грамматику русского языка Фукса,<sup>35</sup> которая преподносила чтение на русском в качестве главного упражнения для изучения русского как иностранного. По причине этого ‘фонетического’ подхода в своих пособиях Фукс, Де Виво и Рейф/Леже ставили знаки ударения над всеми русскими словами.<sup>36</sup> Например, об этом Де Виво писал, что “все приведенные в этой книге русские слова показывают, что слог, над которым должно быть ударение, наверху отмечается знаком ’ [ударения]”.<sup>37</sup> Войнович, наоборот, выбирает не следовать ‘фонетическому’ подходу, не ставя знаки ударения, “чтобы оставить возможность тем, кто изучает, ставить знаки ударения самостоятельно”, используя комментарий в фонетической части, в которой приводятся “точные правила об ударении, которые высказываются в соответствующих статьях [разделах] об изменяемой части речи”.<sup>38</sup> В самом деле, в грамматической части книги Войнович ставил знаки ударения над несколькими словами (над словами в текстах для чтения, наоборот, не было никаких ударений), но часто ошибался, ставя знаки ударения над неправильными гласными. Таким образом, например, он пишет “два сына́” вместо “два сы́на”.<sup>39</sup> В третьей части данной статьи рассматриваются ошибки, встречающиеся в книге Войновича по разным вопросам, в том числе и при расстановке знаков ударения.

Итак, как построена грамматика Войновича? Книга состоит из 7-страничного предисловия и 272-страничной грамматики русского языка.

<sup>34</sup> Чифариелло А. О первой русской грамматике на итальянском языке. С. 100.

<sup>35</sup> Там же. См. также: Cifariello A. Domenico De Vivo: tra russistica e italianistica nella seconda metà dell'Ottocento; *Он же*. L'insegnamento della lingua russa nell'Università italiana dal 1864 al 1892.

<sup>36</sup> См.: Fuchs P. Grammaire russe à l'usage des français. Francfort S.M., 1865<sup>1</sup>; *Он же*. Clef de la Grammaire russe à l'usage des français. Francfort S.M., 1865<sup>1</sup>; Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe [1878<sup>4</sup>]; De Vivo D. Grammatica della lingua russa.

<sup>37</sup> De Vivo D. Grammatica della lingua russa. С. 9.

<sup>38</sup> Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa. С. vi.

<sup>39</sup> Там же. С. 9.

Грамматика разделяется на теоретическую часть, которая представляет собой самую большую часть сочинения, и практическую часть. Разделение – по “статьям”, т.е. по разделам, которые сами разделяются по параграфам. Первые 22 страницы, которые представляют собой чуть менее 10% всей работы, посвящены русской фонетике. Настоящая фонетика разделяется на две части, между которыми даются упражнения по чтению, организованные Войновичем в трехстрочных рядах: первая строка содержит оригинальный текст по-русски (“Однажды сидѣла мать у окна...”), вторая строка – транслитерированный текст (“adnaǰdĭ ssidela matĭ u okna...”), третья строка – переводной текст на итальянском (“Una volta sedeva madre presso finestra...”).<sup>40</sup> Первый текст<sup>41</sup> – описание камчатского полуострова по записке Екатерины II. Второе чтение<sup>42</sup> – сокращенная сказка “Ровное наследство” Льва Толстого для изучающих русский язык как иностранный. Далее в тексте, в конце теоретической части, следует “статья” XIV “Об общем характере русского языка и его писателей”:<sup>43</sup> это вступление в “прозаические произведения одних из самых выдающихся отечественных писателей”, использованные для того, чтобы дать “четкое представление о структуре и стиле русского языка”. В силу того, что для Войновича русская литература является одной “из самых красивых среди славянских” литератур, он советует читать “крыловские басни, “Историю государства Российского” Карамзина, сочинения Гоголя, <...> Тургенева и Пушкина” и в частности те “неисчерпаемые шахты народных предложений и выражений”, которые представляют собой “сочинения Достоевского, Островского и Толстого”. Но предлагаемое Войновичем чтение – хрестоматия текстов разного происхождения и типологии (исторических, культурных, педагогических, художественно-литературных и т.п.), помещенная в последнем разделе книги.<sup>44</sup> Так, хотя автор предлагает литературный канон из самых выдающихся русских писателей того времени, тем не менее для чтения учащихся он предпочитает публиковать отрывки до сих пор малоизвестных – кроме А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого – авторов. Наконец, за текстами для чтения следует лексикографическая серия “самых употребительных слов из повседневной жизни”.<sup>45</sup>

---

<sup>40</sup> Там же.

<sup>41</sup> Там же. С. 6-8.

<sup>42</sup> Там же. С. 9-11.

<sup>43</sup> Там же. С. 191-192.

<sup>44</sup> Там же. С. 213-239.

<sup>45</sup> Там же. С. 243-266.

В предисловиях к грамматике и словарю Войнович объясняет причину такой структурной организации книги, а также использования разных размеров шрифта. Автор пишет, что в его книге излагается “теоретическая материя [т.е. теоретические предметы, вопросы]” рядом с практической, чтобы заложить прочную основу “более глубокого изучения языка”: в теоретической части учащимся представляются “элементарные правила языка”, которые затем дополняются “не основными понятиями и исключениями из правил”, отмеченными “мелким шрифтом”, изучение которых учащиеся могут пропустить до тех пор, пока они не усвоят “безусловно предварительные правила”; в практической части находятся “примеры, упражнения и соответствующая коллекция классических текстов для чтения”, которые способствуют объяснению “общих правил”, и предлагается “богатое собрание слов, выражений и предложений”, относящихся к разговорному или книжному стилям русского языка.<sup>46</sup> Большинство примеров “взято из произведений национальных авторов или является частью русских поговорок и пословиц”.<sup>47</sup>

В итоге, в течение XIX века на итальянском языке регистрируется слишком мало попыток к сочинению грамматик русского, например, по сравнению с аналогичными изданиями во Франции. Только две грамматики увидели свет: грамматика Де Виво и грамматика Войновича. Хотя грамматика Де Виво была опубликована за пятнадцать лет до выхода грамматики Войновича, тем не менее она оставалась бесспорно самым лучшим на итальянском языке теоретическим пособием для изучения русского языка как иностранного до начала XX века. Сопоставление частей книги Войновича, посвященных фонетике и грамматике, с другими же изданиями XIX века составляет предмет следующих частей данной статьи. В XX веке ситуация радикально изменится: будет опубликовано много грамматик русского как иностранного на итальянском языке, и они превзойдут по качеству грамматики предыдущего века.

#### О фонетическом аспекте в *Грамматике русского языка* проф. Войновича

Во второй части данной статьи анализируется раздел книги Войновича 1897 г., посвященный фонетике в сопоставлении с другими изданиями XIX века.

---

<sup>46</sup> Там же. С. v-vi.

<sup>47</sup> *Voinovich Prof. Vocabolario compendioso della lingua russa*. С. xi.

Первая “статья” (т.е. раздел) грамматики Войновича, посвященная фонетике русского языка, разделена на две части. Первый параграф касается письменных знаков, их произношения, классификации звуков, гласных и согласных звуков, характеристики звука ‘j’ и упражнений для чтения, а второй параграф описывает палатализацию согласных, разные звуковые вариации, звуковые исключения. Между этими двумя разделами была вставлена “Дополнительная часть произношения”. А перед двумя параграфами – русская азбука, расположенная на двух страницах в классической таблице, с пятью столбцами, состоящими из образцов написания букв рукописным шрифтом, типографским шрифтом, старых и новых названий букв и их произношения. Таким образом, Войнович продолжает принятую еще в XIX веке традицию смешивать понятия ‘звук’, ‘фонема’ и ‘буква’, не отличая а наоборот представляя в виде букв латинского алфавита фонемы русского языка. Поскольку при описании звукового содержания русских букв в грамматиках XIX века звуки и буквы не различаются, то в результате наблюдается смешение числа звуковых единиц с количеством букв. Наконец, во всех грамматиках русского языка само количество букв алфавита постоянно не совпадает друг с другом, по крайней мере, вплоть до изданий конца XIX века.

В таблице Войновича русский алфавит состоит из 36 букв, включая фиту, ижицу, “и краткое”. Итак, если его сопоставить с алфавитом, приложенным во втором (1851) и третьем (1860) изданиях русской грамматики Рейфа,<sup>48</sup> то в последних наблюдается отсутствие ижицы и “и краткое”. Таким же образом в третьем издании (1888) русской грамматики Фукса по методу Оллендорфа<sup>49</sup> из алфавитного списка исчезает ижица, упоминаемая, однако, в следующем разделе книги. Этого не происходит в пятом издании (1886) русской грамматики Рейфа (втором под редакцией Леже)<sup>50</sup> и в русской грамматике (1882) Де Виво:<sup>51</sup> здесь число и порядок букв вполне совпадают с аналогичной информацией в грамматике Войновича. Кроме того, во втором издании (1891)

---

<sup>48</sup> *Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe, précédée d’une introduction sur la langue slavonne. Saint-Petersbourg-Paris, 1851<sup>2</sup>; Он же. Grammaire française-russe ou principes de la langue russe a l’usage des français, avec des tableaux synoptiques pour les déclinaisons et les conjugaisons, des thèmes ou exercices gradués pour l’application des différentes règles de la grammaire, le corrigé de ces exercices et l’accentuation de tous les mots russes. Paris, 1860<sup>3</sup>.*

<sup>49</sup> *Fuchs P. Grammaire russe à l’usage des français. Francfort S.M., 1888<sup>3</sup>.*

<sup>50</sup> *Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe, avec des tableaux synoptiques pour les déclinaisons et les conjugaisons, des thèmes ou exercices gradués, le corrigé de ces exercices et l’accentuation de tous les mots russes. Paris, 1886<sup>5</sup>.*

<sup>51</sup> *De Vivo D. Grammatica della lingua russa. C. 7-8.*

“Практической грамматики русского языка” Будмани,<sup>52</sup> который в источниках упоминает книгу Де Виво, а также в первом издании (1898) “Краткой грамматики русского языка” Пьетро Мотти (ит. Pietro Motti, 1854-19?) на французском,<sup>53</sup> как и за 70 лет до того в пособии 1820 г. Пухмайера-Добровского (чеш. Antonín Jaroslav Puchmajer, 1769-1820, и чеш. Josef Dobrovský, 1753-1829) на немецком,<sup>54</sup> число полностью совпадает, но порядок мало отличается: в азбуке “и краткое” не занимает последнее место, но в списке находится после “и”. Среди источников Будмани обнаруживается “Русская грамматика” (1831) Александра Христофоровича Востокова (1781-1864), автор которой, не перечислив по порядку графемы русского языка, выделяет из 36 букв 3 полугласные, 12 гласных, 21 согласную.<sup>55</sup>

Однако, если рассмотрим историю русских грамматик XVIII и XIX веков, тогда обнаружится, что число и порядок букв в каждой из них свои. Уже вначале видно, что в “Российской грамматике” (1755) Михаила Васильевича Ломоносова (1711-1765) перечислены только 30 графем, которые являлись, по мнению знаменитого ученого, наиболее используемыми.<sup>56</sup> В первой половине XIX века один и тот же автор в разных грамматиках мог писать об одних и тех же графемах по-разному. И так, в “Пространной русской грамматике” (1827) Н.И. Греч заявляет, что “русская азбука имеет тридцать пять букв”, не считая ижицы, и заканчивает азбуку “и” кратким.<sup>57</sup> Наоборот, в первом томе (1828) его грамматики, переведенной Рейфом на французский, Греч пишет, что русская азбука “состоит из 34 букв”, исключая ижицу и “и краткое”.<sup>58</sup> После более чем десяти лет в “Филологических наблюдениях” (1841-1842) Герасим Петрович Павский (1787-1863) перечисляет только 34 буквы, опускающая “э оборотное” и “и краткое”.<sup>59</sup> Он, на самом деле, утверждает, что

<sup>52</sup> *Budmani P.* Praktična gramatika ruskoga jezika za samouke [1891<sup>2</sup>].

<sup>53</sup> *Motti P.* Petite grammaire russe. Heidelberg, 1898. С. 2-3.

<sup>54</sup> *Puchmayer A.J. Dobrowsky J.* Lehrgebäude der rußischen Sprache: Nach dem Lehrgebäude der böhm. Sprache des Hrn. Abbé Dobrowsky. Prag, 1820. С. 1-2.

<sup>55</sup> *Востоков А.Х.* Русская грамматика А. Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб., 1831. С. 2-3.

<sup>56</sup> *Ломоносов М.В.* Российская грамматика. СПб., 1755. С. 41-42.

<sup>57</sup> *Греч Н.И.* Пространная русская грамматика, изданная Николаем Гречем. СПб., 1827. С. 3.

<sup>58</sup> *Gretsch N. Reiff Ch.-Ph.* Grammaire raisonnée de la langue russe, précédée d'une introduction sur l'histoire de cet idiome, de son alphabet et de sa grammaire. 2 voll. Saint-Petersbourg, 1828-1829. Т. I. С. 27.

<sup>59</sup> *Павский Г.П.* Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка. Рассуждение 1-3. В 3-х т-х. Санкт-Петербург, 1841-1842. Т. I. С. 10-12.

“в пять грамматических разрядов букв не внесены <...> *i*, *э*, *ө* и *у*, потому что сии буквы нимало не будут участвовать в грамматическом построении слогов и слов. Они в азбуку приняты по требованию правописания, и об них должно говорить только в главе о правописании”.<sup>60</sup> А потом он добавляет, что “не следовало бы принимать в азбуку букву *э*, потому что в тех немногих словах, для которых она допущена, легко заменить ее может и заменяет буква *е*”.<sup>61</sup> Нужно в конце сказать, что, говоря о разрядах букв, Павский имел ввиду ‘звуки’, ‘фонемы’, как написано в “Филологических наблюдениях”: первый разряд – придыхания (т.е. придыхательные); второй – твердые/мягкие гласные; третий – согласные чистые (губные, нёбные, язычные, зубные); четвертый – согласные придыхательные (придыхательные губные); пятый – полусогласные.<sup>62</sup>

Итак, ясно видится, что, используя правильную терминологию, все же многие ученые не различали понятия ‘звук’ (‘фонема’) и ‘буква’ (‘графема’). Хотя в конце XIX века в России Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (пол. Jan Niecisław Baudouin de Courtenay, 1845-1929) уже отличал, обосновав научно, буквы от звуков, тем не менее его исследования не оказывали влияние на грамматики русского как иностранного, включая грамматику Войновича, по крайней мере до XX века, когда появился сборник его лекций. В издании 1886 г. грамматики Рейфа под редакцией Луи Леже, сам редактор, утверждая в предисловии, что он руководствуется исследованиями Бодуэна де Куртенэ,<sup>63</sup> тем не менее нигде далее в книге не уделяет внимания вкладу Бодуэна де Куртенэ ни в зарождающуюся фонетику, ни в фонетические учения. Таким образом, в таблице Войновича предпринята попытка сделать транскрипцию старых названий графем, оставаясь все еще в грамматической традиции Ломоносова,<sup>64</sup> вместо того, чтобы принять новые фонетические обозначения, предложенные Международной Фонетической Ассоциацией. Наблюдается, однако, попытка транскрибировать звуки букв латинскими знаками, следовательно, например, редукция безударной “о” транскрибирована прямо графемой “а”, а также особо подчеркнута палатализация плавных в конце слов с мягким знаком, используемым согласно традиции правописания. В первом (1858) и втором (1863) изданиях “Исторической грамматики русского языка” Федор Иванович

<sup>60</sup> Там же. С. 49-50.

<sup>61</sup> Там же. С. 50.

<sup>62</sup> Там же. С. 40.

<sup>63</sup> *Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe [1886<sup>s</sup>].* С. х.

<sup>64</sup> *Ломоносов М.В. Российская грамматика.* С. 41-42.

Буслаев (1818-1897) уже подошел к вопросу о различии “между буквами и членораздельными звуками, которые ими выражаются”.<sup>65</sup> Оказавший большое влияние на развитие исследований русского языка и русской культуры в Италии во второй половине XIX века, Буслаев правильно отмечал, что в силу того, что “звуки в течение времени изменяются от произвола в произношении гораздо свободнее, нежели буквы на письме, <...> грамматика подчиняет на письме современный выговор правилам языка книжного, по преданию удержавшего доселе многие свойства древнейшего алфавита, и тем сберегает первоначальный вид речений”.<sup>66</sup> Итак, заканчивает Буслаев, чтобы “укрепиться в правописании, необходимо понять правильное отношение между буквами и звуками”.<sup>67</sup>

Таким образом, в алфавитной таблице Войнович, вероятно прочитав Буслаева, предлагает не транслитерацию, а графическое оформление, репродуцирование – т.е. своего рода фонетическую транскрипцию – 36 графем кириллицы со старыми и новыми названиями. В транскрипциях отмечается по возможности использование хорватских букв, чтобы представить русские фонемы. Так, например, “з” в начале слова, как в слове “земля”, транскрибируется “ś” (“śemglià”), т.е. свистящий глухой звук представляется старой хорватской буквой “ś”, используемой сейчас только польской и черногорской азбуками для того, чтобы указать йотовую палатализацию, т.е. изменение сочетаний “з” с йотом. Однако же для Войновича акцент над “s” совсем не определяет какой-либо палатализации, а вероятно использован для обозначения редукции безударной “e” к йоту и последовательного влияния йота, действующего на предыдущий звонкий альвеолярный щелевой звук. Но букву Войнович называет “zje”, произношение которой сопоставляет с тосканским произношением мягкого “s”, как Де Виво уже писал в своей грамматике, однако последний транскрибирует только графему “z” = “s”, называя ее “se”.<sup>68</sup> В первом упражнении для чтения Войнович транскрибирует произношение слов с буквой “з” таким образом: “земля, называемая” – “śemglià našívaiemaja”.<sup>69</sup> Даже если при помощи этой транскрипции Войнович пытается повторить звучание “s” в итальянском слове “rosa”, все же на

<sup>65</sup> Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка (в 2-х ч.-х). М., 1858. С. 24; *Он же*. Историческая грамматика русского языка (в 2-х ч.-х). М., 1863. С. 26.

<sup>66</sup> Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. С. 26.

<sup>67</sup> Там же.

<sup>68</sup> *De Vivo D. Grammatica della lingua russa*. С. 17; *тоже: Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe* [1886<sup>5</sup>]. С. 3.

<sup>69</sup> *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa*. С. 6.

итальянском языке мягкому “s” из слова “rosa” не нужен никакой акцент. В противоположность Войновичу, Де Виво не использует особые знаки над графемой для того, чтобы отличить мягкий звук от других – на самом деле, дополнительные обозначения только смущали бы учащихся, – а он просто предупреждает читателя, что звук соотносится с мягким итальянским “s”.

Если транскрипция оставляется в хорватских буквах, отмечается, что Войнович обозначает “ж” как “ž”, графически выражая палатализацию глухого велярного смычного звука путем использования “квачицы” посредством буквы “ž” из гаевицы – т.е. из алфавита Людевита Гая (хорв. Ljudevit Gaj, 1809-1872). Итак, после того, как он транскрибирует “живёте” – “živéte”, “иже” – “iže”, “ижица” – “ižizza”, мы читаем в грамматике, что современное название графемы “ж” является французским “jé”, а потом описывается ее произношение – “j”, объясняемое тогда двусмысленно, потому что в этой транскрипции автор, на самом деле, не поддерживает ни предлагаемое произношение “ž” ни произношение французской “j”, букву которого он представляет потом по всей грамматике как стандартную транскрипцию буквы “ж”. Замечаем, например, последнюю строку из первого упражнения для чтения, в которой Войнович транскрибирует “между” – “među”, уточнив в скобках, что звук – французская “j”.<sup>70</sup> Наоборот, Будмани не выражается неясно в грамматике русского языка, используя только графему “ž” из гаевицы.<sup>71</sup> В книге Де Виво видим, что используется единственная транскрипция “g’e”.<sup>72</sup> Хотя автор соотносит произношение русского “ж” с французским “j” – как уже происходило в грамматике Рейфа,<sup>73</sup> он все же не принимает во внимание использование диакритического знака хорватской квачицы или чешского гачека для палатализации звонкого и глухого велярных смычных звуков, но он решает ее подчеркнуть апострофом “ ’ ”, так “ж” становится “g’”, а “ч” – “c’”.

Для шипящих звуков, т.е. щелевых постальвеолярных согласных “ш” и “щ”, Де Виво использует в одной и той же книге две транскрипции: “sh” или “š” для “ш”, “šč” или “sh·c” для “щ”. Войнович также неясно выражается, когда он транскрибирует щелевой постальвеолярный согласный звук “ш” как “sc” или “š”. Хотя фонема “sc” является аффрикатив-

<sup>70</sup> Там же.

<sup>71</sup> *Budmani P.* Praktična gramatika ruskoga jezika za samouke [1891<sup>2</sup>]. С. 2.

<sup>72</sup> *De Vivo D.* Grammatica della lingua russa. С. 16.

<sup>73</sup> *Reiff Ch.-Ph.* Grammaire russe [1851<sup>2</sup>]. С. 3; *Reiff Ch.-Ph.* Grammaire russe [1886<sup>5</sup>]. С. 3.

ным звуком, однако описывая произношение, Войнович утверждает, что фонема представляет собой ‘простую’ палатализацию глухого щелевого альвеолярного согласного звука “s”, без дальнейшего нёбного звука: таким образом, пишет “š”. Но в упражнениях для чтения Войнович транскрибирует “ш” – “sc”, например “ширину” – “scirinu”,<sup>74</sup> повторяя ту же транскрипцию, которую Де Виво уже использовал в своей грамматике.<sup>75</sup> Наоборот, Рейф, опираясь на французское произношение букв, пишет, что “ш” соответствует “точному [французскому] звуку ch”.<sup>76</sup> Таким образом, для “щ” из кириллицы Войнович использует два знака из гаевницы – “šć”, транскрипция которых показывается современной транслитерацией по стандарту ISO-R9-1968. На самом деле, Войнович правильно утверждает, что графема “щ” составляется из двух звуков “ш” и “ч”, поэтому в упражнениях для чтения он сохраняет две графемы, как в примере “слѣдующимъ образомъ” – “sljedujušćim obrazom”.<sup>77</sup> Де Виво, наоборот, выбирает “sh-c”, которая представляет собой более длинную транскрипцию, чем у Войновича, а Рейф использует комбинацию “ch-tch” еще длиннее сочетания Де Виво.<sup>78</sup> В итоге, несомненно, графический выбор Войновича очень часто, но не всегда, определяется его хорватским лингвистическим сознанием.

А как Войнович описывает знаки твердый и мягкий? Для них он использует старые названия – “ѣръ” (“jerǝ”) и “ѣрь” (“jerj”), – утверждая, что первый знак является твердым (“tviordi znacc”), а второй – мягким (“miaschi znacc”), таким путем признав их фонетическое значение.<sup>79</sup> Таким образом, твердый знак в конце слова часто означает, что предыдущая “согласная буква” удваивается, как видно из транскрипции слова “знакъ” – “znacc”. На самом деле, об этом удвоении уже упоминает Рейф в своей грамматике.<sup>80</sup> Что касается мягкого знака, Войнович пишет, что знак обозначает ослабление предыдущего звука. Об этом Войнович повторяет то, о чем уже писал Де Виво.<sup>81</sup> Рейф уделяет много места

<sup>74</sup> *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa*. С. 7.

<sup>75</sup> *De Vivo D. Grammatica della lingua russa*. С. 19.

<sup>76</sup> *Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe* [1851<sup>2</sup>]. С. 3; *Он же. Grammaire française-russe* [1860<sup>3</sup>]. С. 3; *Он же. Grammaire russe* [1886<sup>5</sup>]. С. 3.

<sup>77</sup> *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa*. С. 7.

<sup>78</sup> *Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe* [1851<sup>2</sup>]. С. 4; *Он же. Grammaire française-russe* [1860<sup>3</sup>]. С. 4; *Он же. Grammaire russe* [1886<sup>5</sup>]. С. 4.

<sup>79</sup> *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa*. С. ix.

<sup>80</sup> *Reiff Ch.-Ph. Grammaire française-russe* [1860<sup>3</sup>]. С. 4.

<sup>81</sup> *De Vivo D. Grammatica della lingua russa*. С. 9.

описанию и мягкой полугласной и ее фонетическому влиянию.<sup>82</sup> Грамматика Рейфа, вероятно, представляла собой главную опору для грамматики Войновича, как для многих грамматик русского как иностранного того времени.

В то же время уделяется внимание последней графеме – “й”, которая вместе с фитой и ижицей является конкретной проблемой из-за того, что она не всегда присутствует во всех алфавитных списках, но из трех указанных графем она – единственная, которую официально утвердила реформа шрифта 1918 г. Обычное наименование графемы – “и съ краткою/краткой” в оригинале, “i skratkoju”, “i s kratkoj”, “i colla breve” – в транскрипциях и переводах.<sup>83</sup> Упомянутые грамматики не приняли предложение Грота, формализованное в России только в конце XIX века, принять название “и краткое”, чтобы не перепутать согласный “й” с гласным “и”.<sup>84</sup>

Опубликовав таблицу русского алфавита, Войнович подробно останавливается на 36 буквах, названных им “cirilliani” (“кирилляные”) вместо “cirillici” (“кириллица”). На итальянском XIX века прилагательное “cirilliano”, сегодня необычное или даже забытое, было использовано в основном учеными-носителями итальянского языка далматского происхождения, особенно из Дубровника, или связанными с Венецией.<sup>85</sup> Этот факт также может быть поводом в пользу того, что проф. Войнович – это уроженец города Рагуза (ныне Дубровник) Константин Войнович.

Итак, представляя таблицу алфавита, Войнович указывает 30 “истинных звуков русского языка”.<sup>86</sup> Об этом же предмете писали уже Рейф<sup>87</sup> и Де Виво.<sup>88</sup> Фонетическая система согласных, предлагаемая Войнови-

<sup>82</sup> *Reiff Ch.-Ph. Grammaire française-russe* [1860<sup>3</sup>]. С. 3.

<sup>83</sup> *De Vivo D. Grammatica della lingua russa*. С. 9; *Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe* [1886<sup>5</sup>]. С. 4; *Budmani P. Praktična gramatika ruskoga jezika za samouke* [1891<sup>2</sup>]. С. 1; *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa*. С. ix.

<sup>84</sup> *Мусатов В.Н. Русский язык. Фонетика. Фонология. Орфоэпия. Графика. Орфография. Учебное пособие*. Москва, 2012<sup>2</sup>. С. 182.

<sup>85</sup> См.: *Stancovich P. Biografia degli uomini distinti dell'Istria*. 3 voll. Trieste, 1828-1829. Т. II. С. 263; *Catalinich G. Storia della Dalmazia*. 3 voll. Zara, 1834-1835. Т. II. С. 176; *Cusani F. La Dalmazia, le isole Jonie e la Grecia (visitate nel 1840): memorie storico-statistiche*. 2 voll. Milano, 1846-1847. Т. I. С. 260; *Karamsin cons. Istoria dell'Impero di Russia del consigliere Karamsin*. 8 voll. Venezia, 1820-1824. Т. I. С. 163, 407 (перевод истории Карамзина венецианским переводчиком Дж. Москони).

<sup>86</sup> *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa*. С. 2.

<sup>87</sup> *Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe* [1886<sup>5</sup>]. С. 6-7.

<sup>88</sup> *De Vivo D. Grammatica della lingua russa*. С. 11.

чем, разделяется на 6 разрядов по месту образования звуков – губные (“labiali”: в, б, п, ф, м), зубные (“dentali”: д, т, н), язычные (“linguali”: л, р), свистящие (“sibilanti”: з, с), нёбные (“palatali”: ж, ш, ч, щ, ц), гортанные (“gutturali”: г, к, х) – на две разных градации звуков – мягкие (“dolci”: в, б, д, з, ж, г) и твердые (“dure”: п, ф, т, с, ш, к-х). Термин “мягкий” Войнович употребляет в значении, аналогичном тому, в котором в современном языкознании принято употреблять слово “звонкий”, а термину “твердый” соответствует современное “глухой”. Таким образом, в грамматике Войновича отмечается градация по звонкости – противопоставление “мягкость” (т.е. “звонкость”) vs. “твердость” (т.е. “глухость”), хотя графемы “м”, “н”, “ш”, “ч”, “щ”, “ч” вообще он считает фонемами без пары.

В отличие от Войновича, в издании 1865 г. его грамматики Фукс разделяет согласные на 4 разряда по месту образования – гортанные (“gutturales”: г, к, х), нёбные (“palatales”: р, л, н), зубные (“dentales”: д, т, з, с, ц, ж, ш, щ, ч), губные (“labiales”: б, в, п, ф, м) – и на три разных градации по звонкости – сильные (“fortes”, глухие: п, ф, к, х, т, с, ц, ч, ш, щ), слабые (“faibles”, звонкие: б, в, г, д, ж, з) и плавные (“liquides”: л, м, н, р).<sup>89</sup> Тем не менее, в издании 1872 г., Фукс предлагает новую картину фонетических явлений, представляя 6 разрядов места образований – губные (“labiales”: б, п, ф, в, м), гортанные (“gutturales”: к, х, г), зубные (“dentales”: д, т, з, ц, с, в), нёбные (“palatales”: ж, ч, ш, щ), язычные (“linguales”: л, р), носовые (“nasales”: м, н), – два подразряда места образований – свистящие (“chuintantes”: з, ц, с) и шипящие (“sifflantes”: ж, ч, ш, щ) – и три разряда способа образований – твёрдые (“dures”: б, п, ф, к, х, д, т, з, ц, ж, ч, ш, щ), придыхания (“aspirées”: в, г, с), плавные (“liquides”: м, л, р, м, н).<sup>90</sup> Хотя Фукс признает разные уровни звонкости, все же он разделяет все звуки только на тонкие звуки (“sons délicats”) и средние звуки (“moyens”), не объясняя основание для их разделений.<sup>91</sup> Эта новая таксономия графем/фонем русского языка более приближается к той, которую предлагал Войнович. Издание 1888 г. грамматики Фукса показывает другой взгляд на фонетическое устройство русского языка,<sup>92</sup> от которого отошел Войнович. Итак, заметно большее сближение между грамматикой 1872 г. Фукса и грамматикой Войновича.

Но если рассматривать грамматику Де Виво, то видно, что она представляет собой самую близкую книгу к грамматике Войновича по срав-

<sup>89</sup> *Fuchs P. Grammaire russe à l'usage des français [1865<sup>1</sup>].* С. 8.

<sup>90</sup> *Он же. Nouvelle Grammaire russe [1872<sup>1</sup>].* С. 4.

<sup>91</sup> Там же.

<sup>92</sup> *Fuchs P. Grammaire russe à l'usage des français [1888<sup>3</sup>].* С. 5.

нению с другими.<sup>93</sup> Де Виво выделяет 7 разделов согласных образований – гортанные (“gutturali”: к, х, г), нёбные (“palatali”: ч), губные (“labiali”: п, ф [ø], б, в, м), зубные (“dentali”: т, д, н), свистящие зубные (“sibilanti dentali”: с, ц, з), шипящие нёбные (“sibilanti palatali”: ш, щ, ж), язычные (“linguali”: л, р), – разделенных на слабые (“tenui”: к, х, ч, п, ф [ø], т, с, ц, ш, щ, л, р) и средние (“medie”: г, б, в, м, д, н, з, ж).<sup>94</sup> Кроме того, в качестве отличительных черт звуков Де Виво противопоставляет “твёрдость” vs. “мягкость”, чтобы указывать на следование за твёрдой согласной, после которой, по традиции, но без фонетического значения, пишется твёрдый гласный или “ь”, или мягкой, за которой следует мягкий гласный или “ь”. Чуть дальше, анализируя гласные, он главным образом отмечает разницу произношений между твёрдыми и мягкими, которая “проявляется в том, что мягкие согласные позволяют услышать очень короткий йот перед собой, поэтому грамматика их именовали йотированные [jotate]”.<sup>95</sup> Тут он предлагает примеры из итальянского языка со словами, в которых содержится йот, чтобы объяснить фонетические явления русского языка как иностранного.

Проанализируем далее излагаемый во втором издании (1891) грамматики Будмани взгляд на фонетическую систему русского языка с точки зрения мест образования согласных.<sup>96</sup> Кроме того, градация по звонкости вставляется только в один небольшой пункт пособия, где говорится об оглушении звонких согласных в конце слова.<sup>97</sup> Обнаруживается у Будмани правильный смысл “слов звонких” (“glasna slova”) и “глухих” (“bezglasna slova”). Вкратце излагается таксономия согласных Будмани в списке, в котором сопоставляются с определениями из русской грамматики на сербохорватском языке определения из сербохорватской грамматики на итальянском языке по месту образования – гортанные (“grlene”, “gutturali”: г, к, х), нёбные (“nebne”, “palatine”: ж, ч, ш, щ), свистящие (“sične”, “sibilanti”: з, ц, с), язычные (“jezične”, “linguali”: л, н, р), зубные (“zubne”, “dentali”: д, т), губные (“usnene”, “labiali”: б, в, м,

<sup>93</sup> Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe, précédée d’une introduction sur la langue slavonne. Saint-Petersbourg ; Paris, 1821<sup>1</sup>. С. 5; Gretschn N. Reiff Ch.-Ph. Grammaire raisonnée de la langue russe. T. I. С. 50-53; Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe [1851<sup>2</sup>]. С. 5; Reiff Ch.-Ph. Grammaire française-russe [1860<sup>3</sup>]. С. 4; Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe [1878<sup>4</sup>]. С. 6-7; Reiff Ch.-Ph. Grammaire russe [1886<sup>5</sup>]. С. 6-7.

<sup>94</sup> De Vivo D. Grammatica della lingua russa. С. 8.

<sup>95</sup> De Vivo D. Grammatica della lingua russa. С. 11.

<sup>96</sup> Budmani P. Praktična gramatika ruskoga jezika za samouke [1891<sup>2</sup>]. С. 2-3.

<sup>97</sup> Там же. С. 6.

п, ф, ѳ), – и по градации по звонкости – звонкие (“glasna slova”, “medie o dolci”: б, в, д, г, з, ж) и глухие (“bezglasna slova”, “tenui o aspre”: п, ф, т, к, с, ш).<sup>98</sup> Несмотря на то, что они несколько отличаются друг от друга, тем не менее между грамматиками русского языка Войновича и Будмани просматриваются совпадения в наименованиях и группировках звуков, свидетельствующих о том, что оба автора происходят из одной и той же культурной среды.

В итоге, если мы сопоставим грамматику Войновича со всеми грамматиками, о которых до сих пор шла речь, замечается ее близость по возрастанию степени сходства к первому (1821) и ко второму (1851) изданиям грамматики Рейфа, к изданию (1872) грамматики Фукса по методу “Отто-Гаспей” и к единственному изданию (1882) грамматики Де Виво. Кроме того, использование прилагательного “мягкие” (“dolci”) вместо “звонкие” (“glasna slova”) отсылает более к изданию 1867 г. сербохорватской грамматики на итальянском языке,<sup>99</sup> чем ко второму изданию 1891 г. русской грамматики на сербохорватском языке.<sup>100</sup> Наконец нужно упомянуть, что, если грамматика Войновича не ссылается ни на какую грамматику русского как иностранного, включая Де Виво, словарь Войновича все же основывается на словаре Де Виво.<sup>101</sup> Все подробности позволяют нам определить, что русский язык Войнович изучал в период с пятидесятых до семидесятых годов XIX века, грамматику готовил в восьмидесятые годы, а словарь составил в девяностые годы.

#### О морфолого-синтаксической части в *Грамматике русского языка* проф. Войновича

В третьей части данной статьи анализируется раздел книги Войновича 1897 г., посвященный морфолого-синтаксическим аспектам, включая вопрос о видах русского глагола, и предлагается обзор множества опечаток и ошибок в этой “Грамматике русского языка”.

Второе издание “Грамматики русского языка” Войновича так и не увидело свет. На самом деле, издатель Хёпли приостановил издательский трехтомный проект Войновича, а после смерти автора – Констан-

<sup>98</sup> *Budmani P. Praktična gramatika ruskoga jezika za samouke* [1891<sup>2</sup>]. С. 3, 5-6; *Он же. Grammatica della lingua serbo-croata (illirica)*. С. 4.

<sup>99</sup> *Budmani P. Grammatica della lingua serbo-croata (illirica)*.

<sup>100</sup> *Budmani P. Praktična gramatika ruskoga jezika za samouke* [1891<sup>2</sup>].

<sup>101</sup> *Voinovich Prof. Vocabolario compendioso della lingua russa*. С. х.

тин Войнович умер в 20 мая 1903 г. в Дубровнике, – он подождал, чтобы начать новый проект, и только в 1906 г. его грамматику решил заменить учебником Сперандео (ит. Prisco Giovanni Sperandeo, 1872-1933).<sup>102</sup> Почему Хёпли так поступил? Почему он бросил первоначальный издательский проект? К сожалению, письменные свидетельства по делам о первых грамматиках русского языка в историческом архиве издательства Хёпли в Милане не сохранились. Тогда, как и в двух предыдущих частях данной статьи, необходимо попытаться найти ответы внутри текста грамматики Войновича.

В “Грамматике русского языка” видится так много опечаток и реальных ошибок, что издатель, вероятно, предпочел издать новую книгу, а не редактировать старую. Проанализируем, например, лексику книги. Войнович совершает ошибку, когда пишет “щы”,<sup>103</sup> потом продолжает ошибаться в том, что переводит это слово как “травяной суп”, и только в словаре правильно пишет “щи”, все же переводя его “зеленый суп”.<sup>104</sup> Он, без сомнения, не принимает во внимание грамматику Греча под редакцией Рейфа, в которой правильно пишется, что щи – это суп из капусты.<sup>105</sup> Чуть дальше в грамматике Войновича слово “бровь” переводится как “веко” (“palrebra”),<sup>106</sup> а в словаре оно переводится правильно.<sup>107</sup> Дальше он пишет “пойстйнѣ” вместо “пойстинѣ”, ошибаясь два раза и в употреблении “и краткого”, и в ударении над “и”.<sup>108</sup> Слово “землѣю” транскрибируется “zemlioj” вместо правильного “zemliuju”, а слово “пасешь” транскрибируется “pascjosci”, которое можно произнести с большим трудом.<sup>109</sup> Пишется “город”, а неправильно произносится “goradd” вместо правильного “gorat”.<sup>110</sup> В конце слова “Петербургъ” “г” произносится как “h”: “Peterburh”,<sup>111</sup> т.е. под влиянием написания “Sankt-Piter-burch” по-немецки конец слова произносится не по-русски, с оглушением, а по-украински, с выдыханием. Тогда после всего этого опечатка

<sup>102</sup> *Sperandeo P.G. Manualetto della lingua russa con la pronunzia figurata: contenente la grammatica e gli esercizi. Milano, 1906.*

<sup>103</sup> *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa. C. 12.*

<sup>104</sup> *Он же. Vocabolario compendioso della lingua russa. C. 71.*

<sup>105</sup> *Gretsch N. Reiff Ch.-Ph. Grammaire raisonnée de la langue russe. T. I. C. 118.*

<sup>106</sup> *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa. C. 12.*

<sup>107</sup> *Он же. Vocabolario compendioso della lingua russa. C. 3.*

<sup>108</sup> *Он же. Grammatica della lingua russa. C. 13.*

<sup>109</sup> Там же. С. 14.

<sup>110</sup> Там же. С. 13.

<sup>111</sup> Там же. С. 14.

“низнукать” вместо правильного “ниспускать” представляет собой только недочет.<sup>112</sup> Опечатки и ошибки такого рода находятся везде в его грамматике. Итак, казалось бы, недочетов так много, что хуже быть уже не может, но они продолжают появляться, когда Войнович касается других тем русского языка, например, видов глагола.

В шестой “статье” Войнович пишет о русских глаголах.<sup>113</sup> Прежде всего, хотелось бы сделать необходимые предварительные замечания. Уже в словаре Войнович не приближает “формы”, т.е. виды, совершенный и несовершенный, к обозначению того, что он считает моментальной и длительной “формами” действия, что делали его современники. Таким образом, он полагает ненужным описывать в словаре то, что его современники уже называли видами глагола. Он ограничивается только одной наиболее частотной в языке “формой”, поэтому в словаре видятся в основном глаголы совершенного вида. Таким образом, по мнению Войновича, чтобы образовать другие “формы” русского глагола, достаточно выучить грамматику “по совершенно индуктивному подходу”, через “изменения и преобразования, требуемые частично логическим началом и частично правилами благозвучия и орфографии языка”.<sup>114</sup> Тем не менее, благодаря такому подходу все-таки невозможно избежать “запутанностей и трудностей русского языка”, который не всегда имеет “все формы [виды], и данная форма [вид] не всегда употребляема, чтобы выразить” понятие или явление по грамматическим параметрам времени.<sup>115</sup> Итак, Войнович представляет совершенную “форму” русского глагола, на которой основаны “совершенные времена”, и в то же время опускает “по причине подхода и места, другие формы [виды], которые происходят из одного и того же корня и использование которых можно выучить только путем чтения или говорения, но нельзя вывести из элементарных книг [т.е. для учебников по грамматике элементарного уровня]”.<sup>116</sup> Другими словами, Войнович не хотел – и даже не умел – объяснить, что такое виды глагола.

А что происходит в грамматике Войновича? Как он представляет учащимся этот грамматический предмет, касающийся видов? Как учащиеся могли бы выучить русский глагол по этому пособию? В 19-ом параграфе под названием “Общие мысли о Глаголе”, откровенно игно-

<sup>112</sup> Там же. С. 15.

<sup>113</sup> Там же. С. 110-142.

<sup>114</sup> *Voinovich Prof. Vocabolario compendioso della lingua russa*. С. vii.

<sup>115</sup> Там же.

<sup>116</sup> Там же. С. viii.

рируя трудности видов глагола для человека, не являющегося носителем славянского языка, Войнович пишет, что “грамматические формы [виды] русского глагола – простые, и их немного”.<sup>117</sup> Это утверждение показывает, что у Войновича никогда не было цели научить итальянских учащихся виду глагола. Итак, хотя Войнович предлагает целые разделы примеров с упражнениями по переводу с русского на итальянский и обратно,<sup>118</sup> что было типичным для тех пособий, которые основаны на грамматико-переводческом подходе, он все же не учитывает проблемы обучения русскому как иностранному. По мнению Войновича, теория форм, т.е. теория видов, состоит исключительно из “окончаний, некоторых суффиксов и изменений гласных в корне, предлогов, предшествующих базовой форме глагола, и некоторых служебных частиц”.<sup>119</sup> Кроме того, особенности русского глагола – “использование причастия вместо относительного придаточного предложения в письменной речи, влияние предлогов на базовую форму глагола, использование отглагольных существительных”.<sup>120</sup> По его мнению, стало быть, трудности русского глагола – вопрос, связанный с предрассудками, которые появляются в силу того, что функционирование глагола вообще осложняется только “некоторыми обстоятельствами действия, и особенно обстоятельством времени, представленным специальной формой [видом]”.<sup>121</sup> Согласно его мнению, простота русского глагола связана с тем, что прошедшее время и причастия не спрягаются, а склоняются: прошедшее время обладает только одной грамматической категорией рода оттого, что “существует единая форма для всех трех лиц”,<sup>122</sup> причастия, точно прилагательные, склоняются “по родам, падежам и числам”.<sup>123</sup> Кроме того, простота системы времён глагола приводит к тому, что только в настоящем времени и в повелительном наклонении глаголы изменяются по лицам. Нас более озадачило то, что Войнович, с одной стороны, признает существование только одного спряжения вместо правильных двух, а с другой – указывает лишь на 4 “легко спрягаемых” неправильных глагола.<sup>124</sup> Несмотря на эти данные, дальше в тексте он все же не

---

<sup>117</sup> *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa*. С. 110.

<sup>118</sup> Там же. С. 143-154, 198-206.

<sup>119</sup> Там же. С. 110.

<sup>120</sup> Там же.

<sup>121</sup> Там же.

<sup>122</sup> Там же.

<sup>123</sup> Там же. С. 111.

<sup>124</sup> Там же.

предлагает никаких конкретных примеров из этих 4 “легко спрягаемых” неправильных глаголов, а только позже кратко представляет маленький список неправильных глаголов. Он пишет, что почти все нерегулярности спряжения касаются фонетического аспекта некоторых глаголов: односложных на -ать типа “брать”, односложных на -ить типа “бить”, односложных на -ыть типа “крыть” или “жить”, глаголов “пѣть”, “дѣть”, “стать”, “клять” (вместо “клясть”). В конце списка представляются 6 сложно спрягаемых неправильных глаголов – “дать”, “ѣсть”, “стлать”, “слать”, “ѣхать”, “ити” – и один полностью неправильный – “вспомогательный глагол быть”.<sup>125</sup>

Таким образом, хотя теории русского глагола Войнович посвящает более 30 страниц, тем не менее автор избегает введения видов, ограничиваясь только некоторыми сведениями по поводу упрощения изучения глаголов. И так, учащимся не выучить теорию и практику использования русского глагола по учебнику Войновича, который в таком случае представляется, в отношении описания видов глаголов, совсем бесполезным и ненужным. Таким образом, например, вводя прошедшее время несовершенного вида – имперфект (ит. imperfetto) – без предварительной информации о видах глагола, Войнович дает искаженное объяснение “формы прошедшего времени глаголов на -ать, которые также имеют инфинитив на -ить”,<sup>126</sup> т.е. несовершенной формы [вида] глаголов, инфинитив которых заканчивается на -ать, а инфинитив соответствующей совершенной – на -ить. Стало быть, подобная формула вводит учащегося в заблуждение, в силу того, что вообще не существует точного соответствия между имперфектом итальянских глаголов и прошедшим временем несовершенного вида русских глаголов. Автор в этом случае, скорее всего, хотел дать конкретные практические советы, чтобы учащимся стало легче переводить русские глаголы на итальянский. Но Войнович слишком усложняет вопрос о временах глагола, когда далее утверждает, что некоторые “формы” “относятся [...] к “времени”, а другие к “способу” [т.е., наклонению, форме и т.д.] действия”.<sup>127</sup> И так, он без понятия о видах представляет глаголы с суффиксом -ну-, и пишет, что они показывают кратковременное действие, и у них есть формы только прошедшего и будущего времён. Очевидно, это касается глаголов совершенного вида, а ему не только трудно объяснить, но он также не считает, а может, даже не знает о существовании различия двух раз-

<sup>125</sup> Там же. С. 120-121.

<sup>126</sup> Там же. С. 113.

<sup>127</sup> Там же.

ных типов глаголов на -ну- (т.е. различия между глаголами типа “вянуть” несовершенного вида и “крикнуть” совершенного вида).<sup>128</sup> Еще дальше, занимаясь глаголом так, как предоставляется в словарях, и не внося вопрос о видах, Войнович не может вообще объяснить свой выбор глаголов, утверждая, что в словарях “глагол всегда дается в форме инфинитива и <...>, в своем простом или примитивном способе, типа *искать* <...>, и в продолжительном способе, типа *сыскивать* <...>, или в мгновенном способе, типа *трогать* <...>, *тронуть* <...>”.<sup>129</sup> Для того, чтобы определить положение гласного после корня в глаголе, он пишет, что “почти две трети всех русских глаголов между корнем и окончанием содержат гласный, который называется ‘характером глагола’”, т.е. гласный, который “служит основой для спряжения глагола”.<sup>130</sup> В самом деле, “характер глагола” – то, что сегодня называется тематическим гласным инфинитива, – “или сохраняется на все времена и способы [т.е., наклонения, формы и т.д.], или исчезает, частично в некоторых временах, или исчезает, оставив след о себе в последнем согласном в корне”.<sup>131</sup> Итак, для Войновича глагол, у которого нет тематического гласного инфинитива, называется “примитивным глаголом”, вернее глаголом “без характера”, без тематического гласного. Тут Войнович еще раз критикует другие грамматики русского языка, утверждая, что благодаря простоте русского глагола отпадает необходимость глагольной классификации в других грамматиках на основе тематического гласного инфинитива, на котором русские и нерусские грамматики основываются “для того, чтобы делить русские глаголы на столько же классов и рядов, сколько различных гласных, которые содержат эти глаголы”.<sup>132</sup> Таким образом, согласно Войновичу классификация, “вместо того, чтобы упростить, все же накапливает трудности, даже там, где их нет”.<sup>133</sup>

Трактовка русского глагола и изложение сведений о нем в грамматике Де Виво намного обширнее и понятнее, чем в грамматике Войновича.<sup>134</sup> Он на основе классического подхода сразу выделяет 5 категорий

<sup>128</sup> См., например, таблицы в учебнике К.А. Соколовской: *Соколовская К.А. Виды глагола в русской речи: пособие по русскому языку как иностранному*. Москва, 2008. С. 6-7, 11.

<sup>129</sup> *Voinovich Prof. Grammatica della lingua russa*. С. 114.

<sup>130</sup> Там же.

<sup>131</sup> Там же. С. 114-115.

<sup>132</sup> Там же. С. 115.

<sup>133</sup> Там же.

<sup>134</sup> *De Vivo D. Grammatica della lingua russa*. С. 152-220.

глагола,<sup>135</sup> предоставляя в качестве примеров просто инфинитивы типичных глаголов несовершенного вида, или инфинитивы глаголов разнонаправленного движения, являвшихся, вероятно, предметом лекций в его практическом курсе русского языка как иностранного в Азиатской Коллегии. Выделив простые и префиксальные глаголы, в дальнейших разделах он останавливается на видах глагола, объясняя их подробно.<sup>136</sup> Таким образом, хотя грамматика Де Виво была опубликована за пятнадцать лет до выхода грамматики Войновича, тем не менее она оставалась бесспорно самым лучшим на итальянском языке теоретическим пособием для изучения русского языка как иностранного. Тогда через девять лет после выхода грамматики Войновича по разным причинам ее заменяет книга Сперандео. Дело в том, что с 1884 г. Де Виво начал преподавать итальянский язык в Новороссийском университете в Одессе. В последние годы жизни одним из его близких друзей стал Сперандео. В 1896 г. Де Виво оказал Сперандео помощь при составлении и пересмотре русского текста “Руководства итальянского языка” последнего.<sup>137</sup> Кроме того, спустя девять лет после смерти Де Виво, в 1906 г. Сперандео прославляет имя Де Виво в статье об истории итальянцев в Одессе.<sup>138</sup> И в том же году учебники Де Виво, включая грамматику русского языка, были представлены на Миланской ярмарке на выставке, посвященной итальянцам за рубежом. Там для своих книг по обучению русскому итальянцев и итальянскому русских, в списке зарубежных итальянских деятелей, которые отличились в науке и художественной литературе, он получил посмертно запись о заслугах.<sup>139</sup> Сам Сперандео безусловно был на Миланской ярмарке, на которой вероятно ему удалось договориться с издателем Хёпли о перевыпуске в Италии его русской грамматики на итальянском, уже изданной в Одессе за два года до этого, в 1904 г.<sup>140</sup> Каким-то образом издание в Италии грамматики Сперандео делает честь итальянской русистике в Одессе,

<sup>135</sup> См. о признании категории вида до конца XIX века: *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 2001<sup>4</sup>. С. 393-410.

<sup>136</sup> *De Vivo D.* Grammatica della lingua russa. С. 153-166, 192-202.

<sup>137</sup> *Sperandeo P.G.* Руководство итальянского языка, в 3-х частях, с предисловием профессора А.И. Кирпичникова. Одесса, 1896. С. vi.

<sup>138</sup> *Sperandeo P.G.* Gli italiani nel Mar Nero // *Rivista d'Italia*. 1906. II (8). С. 325-342.

<sup>139</sup> *Frescura B.* La Mostra degli Italiani all'estero, all'Esposizione Internazionale di Milano nel 1906 // *Bollettino dell'emigrazione*. 1907. 18. С. 192.

<sup>140</sup> *Sperandeo P.G.* Manualetto della lingua russa con la pronuncia figurata. Odessa, 1904.

т.е. первой “школе” итальянских русистов, отцом которой был сам Де Виво.<sup>141</sup>

В силу того, что грамматики Де Чигалла, Грималы-Любанского, и Лоски остались рукописными и служили для изучения русского языка автором или кем-то из его тесного круга общения, они не оказали никакого влияния на историю опубликованных грамматик русского языка на итальянском языке и, следовательно, в заключении данной статьи не рассматриваются. Принимая во внимание и то, что было изложено в третьей части данной статьи, и то, что содержали две предыдущие части о том же предмете, в итоге можно заключить, что грамматика Войновича представляла собой только неудовлетворительно реализованную старую идею загребской Югославской академии, которая во второй половине XIX века стремилась распространить славянские языки, литературу и культуру в Европе, особенно в Италии. Тогда, в отличие от пособия Де Виво, грамматика Войновича не имела прямой педагогической цели, т.е. книга не была придумана для использования студентами итальянских вузов того времени. Из-за того что попытка Войновича очень плохо удалась, грамматику больше практически не вспоминали. Вероятно, Войнович никогда не читал предисловие к “Краткому руководству к российской словесности” (1808) Ивана Мартыновича Борна (нем. Johann Georg Born, 1778-1851), содержащему одну из первых грамматик русского как иностранного. Здесь автор предупреждает учащихся, что не лишним было бы коснуться “предубеждения многих чужестранцев, почитающих язык российский к изучению крайне трудным”.<sup>142</sup> Даже спустя век после этого высказывания Борна такого отношения к русскому языку с предубеждениями Войновичу, к сожалению, не удалось устранить. Этого сделать он вообще не был в состоянии.

В биографии и библиографии Константина Войновича, написанных его сыном, эти две изданные Хёпли книги не нашли места: они были умышленно опущены, вероятно, для того, чтобы не вызвать неприятных ответов в среде итальянских деятелей, которые интересовались вообще иностранными языками, включая русский язык. Об этой негативной реакции продвинутой публики, к сожалению, не осталось никаких следов. Вероятно, некоторые сведения об отрицательном отношении к этой публикации можно было бы найти в переводах с русского на итальянский этого времени. Может быть, там содержатся те же опечатки и недостатки, что и в грамматике Войновича. Но вряд ли опытные итальян-

---

<sup>141</sup> О грамматике русского языка Сперандео планируется отдельная публикация.

<sup>142</sup> Борн И. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. ix.

ские переводчики этого времени – как, например, Федерико Вердинуа (ит. Federigo Verdinois, 1844-1927), который за эти годы перевёл разные произведения Пушкина, Гончарова, Тургенева, Крылова, Чернышевского, Горького, Вересаева (Смидовича), Л. Толстого, А. Толстого – изучали русский язык по этой книге. Единственный свидетель этого обстоятельства – это сама “Грамматика русского языка” проф. Войновича.

#### Abstract

Prof. Voinovich’s Russian grammar book

The purpose of this article is to examine 19<sup>th</sup> century Russian grammar books written in Italian. The article reviews the history of 19<sup>th</sup> century Russian grammars written in different foreign languages, which were used to teach Russian as a foreign language. The main purpose of this work is to place Prof. Voinovich’s Russian grammar book and its author in the history of Grammar books of Russian as a foreign language. This research is the first to be entirely dedicated to this very subject.

Keywords: Russian Phonetics, Russian Grammar, Grammar books of Russian as a Second Language in Italian, 19th Century.